
КОЛЛЕКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Кучкар
Наркабил

Хочу увидеть
твои глаза

Коллекция современной прозы

Наркучкар Наркабилов

Хочу увидеть твои глаза

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Наркабилов Н. Р.

Хочу увидеть твои глаза / Н. Р. Наркабилов — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907395-14-5

В книгу известного и талантливого узбекского писателя Кучкара Наркабила вошли повести и рассказы о любви и человечности. О любви, которая проходит даже сквозь смертельные ужасы войны, о душевной красоте простых людей. Автор повествует о том, что нет на земле сильнее чувства, чем любовь, и именно она дает силы и вдохновение даже в самые трудные моменты жизни. Читая книгу, вы почувствуете своеобразный характер каждого из героев и невольно полюбите их. Если у человека открытая душа, если он смотрит на окружающий мир широко раскрытыми глазами, то, несомненно, сможет подняться на самую вершину гуманизма, независимо от вероисповедания и национальности.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-14-5

© Наркабилов Н. Р., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Об авторе	6
Навеки восемнадцатилетние (Мы не вернулись из боя...)	8
I	8
II	18
III	20
IV	24
V	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кучкар Наркабил

Хочу увидеть твои глаза

© К. Наркабил, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Об авторе

Наркабилов Наркучкар Рахматович (Кучкар Наркабил) родился в 1968 году в Республике Узбекистан, в 1992 году окончил факультет журналистики ТашГУ. Член Союза писателей

Узбекистана, поэт, писатель, драматург. Автор книг «Цветок на ладони», «Мой мир», «Цветок возле окна», «Плач за рекой», «Улыбнись, дорогая», «Я пришел увидеть твои глаза», «Вторая рота: Афганистан»; драм «Рок испытаний», «Ты разбудишь солнце», «Луч в тени не останется», «Удача на нашей стороне», «Не снимай сапоги, не увидев воды», «Не уходи далеко от земли». Некоторые из них инсценированы и идут в театрах Республики Узбекистан.

Заслуженный журналист Узбекистана, в настоящее время Кучкар Наркабил работает главным редактором в правовой газете «Человек и закон».

Тел.: (+998 94) 655-15-00

E-mail: poets-68@mail.ru

Навеки восемнадцатилетние

(Мы не вернулись из боя...)

Повесть

Я старался написать всю правду, но, к сожалению, ничего не написал.

Кучкар Наркабил

Эта книга о тех, кто не вернулся с войны, о любви, о жизни, о юности, о Бессмертии.

Григорий Бакланов

I

Весь день небо оставалось мрачным. К тому же к вечеру начался сильный дождь. В воздухе похолодало. Казармы, столовые солдат и офицеров казались жалкими. Из окон виднелись тусклые огни. Строевая площадка части была настолько серой и неприглядной, что, если бы не музыка, доносившаяся из громкоговорителя, установленного на крыше штаба офицеров, то, возможно, всю округу накрыла бы крошечная душераздирающая тьма. Вдоль тротуаров и напротив казарм тянулись елки, тополя, чинары в человеческий рост, глядя на которые я часто уходил в раздумья. Человек всегда ищет в жизни утешения, ему хочется жить. Даже если он находится в самой гуще войны, не зная, что ждет его завтра, он живет по законам жизни, которых никто не изобретал: сажает деревья или красит вот эти хмурые здания, даже если в этом нет никакой необходимости, укладывает асфальт, перед казармами ставит специальные сооружения для чистки обуви, а если и этого окажется мало, то еще перед каждой дверью построит курилки. Словом, отвлекает себя каким-нибудь делом. Завтра солдаты этой части выйдут в бой. Они будут мародерствовать, жечь дома, сады, травить воду, убивать людей и сами будут умирать. В садах, где они побывают, начнется вечный мертвый сезон. И вообще, всякое «благое» дело, сделанное для войны и ради войны, намного позорнее даже такого грязного понятия, как двуличие.

Воины доказывают свое право жить на этом свете путем убийства себе подобных. Что бы они ни делали потом – сажали ли деревья, слушали ли музыку, – они будут это делать, чтобы как-то отвлечь себя. Солдату для осознания, что он живет, нужно всего лишь, чтобы видели его глаза. Вот эти казармы, территория военной части, окруженная высокими горами, холодный вид города Кабула со стороны восходящего солнца, лучи которого проникают сквозь тело, живые и мертвые однополчане с одинаковой твоей судьбой, одежда и мысли которых не отличаются от твоих, бессмысленное времяпрепровождение – все это особый мир, который запоминается на всю жизнь.

Удивляясь, откуда столько мыслей у меня в голове, я обошел часть вдоль каменных троп. Вся одежда промокла, я продрог до костей. Знаете, я очень тоскую, когда пасмурно и льет дождь, поэтому не стал возвращаться обратно в казарму. Подняв ворот ватника, я дошел до артиллерийской казармы. Когда я шел обходным путем мимо штаба, вышел прапорщик и попросил у меня сигарет. За компанию с ним я тоже выкурил одну штуку «Донских». Прапорщик пожаловался на погоду, сказал, что если не выйдем в бой, то он умрет со скуки. Я спросил,

сколько лет он здесь служит. Он ответил, что с начала революции¹ попал в Баграм², затем три года служил в Джелалабаде, два года в Гардезе и еще два – в Кундузе³. И вот уже четыре года в Кабуле. У прапорщика были два ордена Красной Звезды. По его словам можно было понять, что он привык к такой жизни.

Я понял, что прапорщик недоволен не тем, что погода хмурая, а тем, что он сегодня дежурит. Деды⁴, повидавшие вой ну, не признавали такую работу, считая ее уделом новобранцев. Прапорщик попросил оставить еще две сигареты. Когда я приблизился к своей казарме, недавно прибывший в роту новобранец, дежуривший у дверей, крикнул изо всех сил:

– Стой! Пароль: два!

Я чуть было не рассмеялся. В самом деле, какие же все-таки странные эти новобранцы. Они стараются выполнять любую работу идеально, любят всякие геройства совершать. Подумать только, зачем врагу находиться в глубине части? Зачем нужна такая осторожность?! Любой из дедов на его месте точно промолчал бы. Тоже мне, бдительный солдат!

Не обращая на него внимания, я стал приближаться. Солдат снова закричал:

– Стой! Пароль: два!

Я разозлился. Но если не выполнить его требование, он мог бы и застрелить. Пароль в этот вечер был «шесть». И я сейчас должен ответить: «четыре». Потому что дежурный произнес два, а я должен назвать то слагаемое, которое в сумме с двойкой должно совпадать с паролем. Я остановился. Солдат снова закричал. В это время из казармы вышел командир роты. Теперь я в свою очередь громко выкрикнул пароль дежурному.

– Пароль: четыре! Я свой.

Я по-военному поприветствовал командира и хотел войти внутрь, но он остановил меня.

– Где ты ходишь?

– Я был в первой роте, товарищ старший лейтенант.

– Зачем?

– Иногда письма теряются, не доходят по адресу. Ходил узнавать, нет ли мне письма.

– Не надо гулять. Чтобы через час я не слышал и звука мухи. Спите.

– Есть, товарищ командир!

Командир роты направился в сторону модуля офицеров. В казарме был полный бардак. Как только я вошел, в нос ударил запах вонючих портянок. Никто не спал. Шум-гам. Кто-то писал письмо, сидя на кровати, кто-то чистил сапоги, кто-то пришивал белый воротник к гимнастерке, группа ребят играючи боролись друг с другом, некоторые, расположившись кучками по углам, ели, а кто-то, боясь выйти на улицу, курил прямо здесь, в казарме. А еще кто-то играл на гитаре и пел. Все было вверх дном.

Вообще, на войне ничего не бывает ровно и стабильно.

Я разделся и растянулся на своей кровати. Чтобы поскорее высушить одежду, повесил ее на паровую трубу. Я устал и, несмотря на шум и гам в казарме, лег и укутался. В постели я блаженствовал. Сразу потеплело внутри. В этот момент я больше всего не хотел, чтобы меня побеспокоили. Но не прошло и минуты, как кто-то дернул меня. Я сделал вид, что сплю. Тот снова дернул. Тяжело вздыхая, я приподнял голову. Надо мной стоял мой механик Ринат.

– Что тебе? – спросил я.

– Вставай, выйдем на улицу.

– Я только что пришел. Весь промок.

– Дело есть. Соглашайся.

---

¹ Речь идет о военном перевороте в Афганистане 27 апреля 1978 года.

² Старинный город и крупный аэропорт в шестидесяти километрах от Кабула.

³ Областные и региональные центры Афганистана.

⁴ Старослужащие в армии.

– Вон с Мумином сходи.

– Э, он же тупой в этом деле. Вставай же!

– Сказал же, не могу, плохо чувствую себя. Смотри, как промокла одежда. Оставь, не беспокой меня. Не пойду, – сказал я, отвернулся и даже укрылся с головой одеялом.

Ринат был моим близким товарищем. С ним мы были вместе в самые тяжелые минуты нашей жизни, воевали на одной машине. Неизвестно, что нас ожидало еще впереди, но одно было ясно: наши жизни в какой-то степени были в руках друг друга. Ибо только профессиональный механик мог вывезти машину в целости и сохранности из огня да пламени. А Ринат, в свою очередь, считал меня искусным оператором, уважал как ценного солдата.

Вообще-то дело не в том, что один из нас оператор, а другой механик одной машины, а в том, что в самые страшные мгновенья мы понимали друг друга без слов. Каждый раз после тяжелых боев мне хотелось прижать Рината к груди, но что-то сдерживало меня. В такие моменты мы оба курили сигарету за сигаретой, глядя друг другу в глаза. Мне хотелось выглядеть смелым в его глазах, и не удивлюсь, если и он в это время испытывал то же самое. С Ринатом мы были близкими приятелями и в любой момент могли лишиться друг друга. А еще во время напряженных моментов мы, как столетние старики, отжившие свой век, благодарили Всевышнего за жизнь.

Мы намного раньше, еще ничего не повидав, успели узнать многое. Еще в первые дни войны поняли: для того, чтобы постареть, не обязательно прожить много лет. Люди, которые все время думают о смерти, как бы ни казались сильными, безразличными или волевыми, внутри давно уже готовы к смерти. Люди, которые внутренне страдают, внешне выглядят так, будто все у них отлично. А чтобы понять это, надо побывать среди них и хлебнуть хоть малость того, что они пережили. Почти все солдаты роты в последнее время от нечего делать стали какими-то помешанными. Они были обречены на наказание, которое постепенно разрушает психику человека. Жили в постоянном страхе и ожидании, что не сегодня, так завтра, в любую минуту могут попасть под пулю или подрваться на mine, ждали несчастья, которое непременно происходило на проклятой войне.

Мне казалось, что от тех, кого сюда отправили, остались только тела, а души улетели. На мой взгляд, на свете нет существа более жестокого, чем человек: ведь он все делает как бы идеально. А еще нет существа слабее его, потому что он не может убежать от душевной боли и смущения. Каким бы ни был сильным человек, умеющий рвать и сметать все на своем пути, в конце концов он ломается изнутри. И только человек с прочным внутренним стержнем сможет противостоять всем невзгодам.

Ужас войны в том, что все его участники становятся калеками, и место тайных чувств заполняет горсть пепла. Между человеком и ружьем есть расстояние размером в курок и приклад.

По мере того, как я стал привыкать к воздуху войны, мне казалось, что все солдаты и офицеры были отрезаны от жизни. Казалось, какая-то невидимая жестокая рука бросила нас в это жерло войны за наши большие грехи. Мы здесь становились бесчувственными.

Я понял одну истину: если человеку дать в руки ружье, он, как животное, не побоится растерзать себе подобных. Не знаю, как насчет превращения обезьяны в человека, но то, что люди умело скрывают жестокость, – намного страшнее зверства, и в голове у меня не укладывается. Но ведь война портит и тех, кто чист душой и сердцем.

...Ринат снова стал дергать меня. Я устало приподнялся на кровати. Продолжая стоять над душой, он положил руку мне на плечо. В казарме был полный беспорядок. Громкие голоса перебивали друг друга, каждый делал то, что ему вздумается.

Ринат присел на кровать напротив меня. Кажется, он прихорошился: одежда выглажена, шапка фиолетовая, пряжка ремня и звездочка на шапке сверкают, и даже сапоги блестят, а голенища он уложил гармошкой.

Его бравый вид разозлил меня. Будто этого было мало, он вынул из кармана американские сигареты и вставил одну меж губ.

– Что тебе? Чего так вырядился?

– Есть идея.

– Давай без меня!

– Так ведь не хочу лишать тебя такого шанса.

– Приятель, я устал, давай я посплю.

– Ладно, слушай. Ты вроде хороший парень, но не понимаешь элементарных вещей. Дослушай до конца, что я скажу.

– Ну говори, только быстро. Кстати, мы машину закрыли? Если техник роты зайдет в парк, нам несдобровать.

– Оставь машину. Да, я закрыл ее ниткой и пломбой. Там не то что техник, там даже командир полка не придерется.

Ринат, не снимая сапог, подбочившись, растянулся на кровати. Сдвинув шапку набекрень, он залихватски стал дымить недокуренной сигаретой.

– И зачем я только послушался тебя и встал?! Э-э-э.

– погоди еще, – сказал друг и задымил в потолок. – Сейчас сходим в одно место. Одевайся.

– Ты в своем уме? На улице дождь. Более того, во всех дверях казарм дежурят «чижики»⁵. Они же расстреляют нас.

– Да, они шустрые. Но ты не спеши. Эти новички дрожат от страха и еле продержатся на дежурстве два часа. Ты прав, им нельзя доверять, но мы все равно должны сходить. Это важно. Ну давай, соглашайся!

– Сначала по-человечески скажи: куда?

– В модуль. Обязательно надо сходить.

– Чего-о?.. А что там делать?

– Дело есть. Только не проговорись, за компанию беру тебя с собой.

– Дай сигарет.

Я понял, на что намекал Ринат, но в это сложно было поверить. Я даже не представлял, как это произойдет. Ринат имел в виду женский модуль. Ведь в нашей части служили и женщины. Они выполняли работу в самой части. Были заняты в прачечной, столовой, финансовом отделе штаба, магазине, на тепловой станции, а большинство – в медпункте и библиотеке.

Но их работу в основном выполняли солдаты. Словом, в части женщин было предостаточно. Бывало, когда рота строилась на завтрак, перед казармой отдельными группами проходили женщины, заставляя нас сильно волноваться.

На войне для солдата любая женщина кажется лучом света. Между нашей казармой и женским модулем каких-то десять шагов. В курилке мы дымили сигаретами и наблюдали за тем, как женщины заходят и выходят в дверь. Мы даже знали их по именам. Знали подробно, когда, кто и через сколько месяцев уезжает, но я не понимал, что заставляет этих женщин мотаться здесь. Неужели они делают эту работу из-за денег, рискуя жизнью? Да, они не выходят в бой, но ведь и в части немало опасностей, везде чувствуется дыхание смерти. Во время боев сюда привозят трупы солдат, бесчисленное количество раненых. Иногда территорию части с гор атакуют ракетные удары. И все-таки очень странно, что женщины находятся в самой передовой части – в 40-й армии, где солдаты бьются не на жизнь, а на смерть.

Эти женщины хоть и не выполняли свою работу, но должны были развлекать офицеров. Некоторые были не замужем и флиртовали со всеми подряд. Большинство из них не скрывали своих отношений с офицерами. Среди этих женщин были неопиcуемые красавицы, и

---

⁵ Новобранцы.

было непростительно, что некоторые из них тут скитаются, бросив дом и семью. Обычно таких женщин-звезд главные офицеры сразу распределяли между собой. Солдаты довольствовались теми, что в столовой или медпункте.

В офицерской столовой работала стройная девушка лет девятнадцати по имени Лилия. Ростом она была маленькая, с тонкой талией, алыми губками, гладким лицом и большими черными глазами. Когда она выходила в брюках и кофте, мы проглатывали слюну, любуясь ее русалочьим станом. Ее волосы всегда были распущены по плечам, и с виду она была похожа на кавказских или азиатских девушек, но на самом деле была европейского происхождения.

Возможно, Лилия нарочно выставляла свои красивые ноги, потому что надевала только мини-юбку. Невозможно было оторвать глаз от ее аппетитных бедер. Солдаты всегда ей вдогонку свистели, но она на них не обращала ни малейшего внимания. Лилия была похожа на спелое яблоко, и все желали от него откусить. Но в этом саду, наверное, и не было целых и непрогнивших яблок. Сложно было даже представить, чтобы такая привлекательная, статная женщина с пышной грудью могла спать одна на территории, где полно мужчин с налитыми кровью глазами. Лилия была очень красивой, но продажной. Ее легко можно было подкупить.

Офицеры и женщины части не держали между собой дистанции. Для того, чтобы вместе провести ночь, им хватало одного намека. Но, к сожалению, эти красотки не признавали солдат.

– Пойдешь? Что, сердце в пятки ушло?

Я понимал, что туда бесполезно идти.

– Послушай, подумай сам. Ладно, ты пойдешь туда, а с кем ты будешь общаться?

– Это моя забота, а ты собирайся. Сейчас принесу тебе бушлат Мумина, наденешь его.

Ринат подошел к группе обедавших ребят. Мумин был с ними. Ринат что-то шепнул ему на ухо. Мумин, снимая бушлат, улыбнулся, глядя на меня. Одевшись, я почистил сапоги. Ринат вынул из тумбы бутылку «Столичной»⁶ и спрятал за пазуху. Карманы бушлата топорщились. Наши взгляды встретились.

– Скажи честно, ты это серьезно?

– Я уже поговорил. Чего ты так перепугался? Сейчас сам увидишь. Глотнешь немного?

– Дай-ка.

– Вон Мумин пьет. Троцюк привез из Кабула. Он две принес, одну я забрал.

Все, кто находился здесь, уже полгода как служили в Афгане. Этих ребят вместе со мной забросили сюда, на войну. Мумин наполнил кружку «Столичной» и, улыбаясь во весь рот, протянул ее мне:

– Удачи вам! Главное, чтобы завтра вы не опозорились перед полком и не попали на гауптвахту. Ну, бери, друг.

– Что бы ни было, надо попытаться. Все равно мы не знаем, что нас ждет завтра. Надоело. Да.

– Пей-э, твою мать. Они что, ангелы, что ли, с крыльями за спиной?

Я допил кружку до дна. «Столичная» обожгла мне горло, и у меня приятно потеплело внутри.

Ринат предупредил дежурного солдата, что мы поздно вернемся, а если кто из офицеров будет проверять – сказать, что все отдыхают и никто не выходил из казармы. У меня в голове прояснилось, настроение поднялось. Я кивнул Ринату, и мы вышли.

– Ферштейн! – сказал Ринат по-немецки, хлопнув по бронежилету дежурного.

Солдат отшатнулся назад. Его автомат с шумом грохнул в дверь, а каска, висевшая на груди, слетела набок.

– Ферштейн! – ответил «чижик».

---

⁶ Название водки.

Я рассмеялся. На душе у меня было легко, и даже проливной дождь был приятным, а вечер казался таинственным. Мы шли вдоль казармы по узкой тропинке, дверь женского модуля была открыта, свет в коридоре горел, и видно было, как женщины сновали туда-сюда. Когда мы приблизились к модулю, я остановил Рината.

– Слушай! К кому мы идем? И вообще, есть резон туда заходить?

– К Лилии.

– А-а! Врешь. Не делай из меня идиота!

– Теперь молись о том, чтобы нам повезло в охоте. Вчера я договорился с ней в офицерской столовой, подарил ей магнитофон «Панасоник». И вот еще, вчера Юра привез японский платок за три тысячи афгани⁷. – Он указал на свой карман.

Я недоверчиво остановился. У него действительно был магнитофон, и денег хватало не на один японский платок. В Афгане для солдата деньги не проблема. Часть была расположена недалеко от Кабула. Магазинов там навалом. Более того, из кишлака, расположенного на севере части, приходили мальчуганы, чтобы поменять вещи на алюминиевые ложки, чайник или консервы. Здешние люди обожали торговлю: брали всё, вплоть до старой солдатской одежды и сапог с портянками. Семи-восемилетние мальчишки продавали немецкие жвачки, анашу⁸, японские часы. Они даже пытались купить сигнальные ракеты или гранаты. Видимо, такие железяки, уже непригодные для нашей техники, были нужны этим мальчишкам. В Афгане заработать деньги не проблема, труднее всего для солдата в части заслужить расположение женщины, которая ему понравилась. Хотя женщины приехали в эти места именно для этой цели.

– Ты же не очень пьян!.. Очнись, Ринат. Ты можешь все испортить.

Ринат задымил сигаретой, которая еле поблескивала в такую влажную погоду. Дождь лил степенно, без извилин.

Мы начали мокнуть под дождем. С танковых постов из окрестностей полка в небо иногда летели зеленые сигнальные ракеты, что свидетельствовало о том, что вокруг все спокойно. Таким образом постовые общались между собой. Мы с Ринатом молча смотрели в сторону модуля. Прошло несколько минут, и Ринат уверенно сказал:

– Пошли!

Я поплелся за ним. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди, но что-то нежное заставляло умиляться. В голове у меня засела мысль: «За женщину умереть – геройство», но я не помнил, где я вычитал или услышал эту фразу.

– Боишься, да? – спросил я Рината, когда до модуля оставалось пять-шесть шагов.

– Лишь бы рядом с ней не оказалось какого-нибудь офицера.

– Эй, она вообще звала тебя сегодня? А может, облапошила нас...

– Эй, черт с ней! Пошли.

В это время зашумел дежурный, прятавшийся от дождя под козырьком над дверью:

– Стой! Пароль! Пять!

– Пароль: три! – ответил Ринат.

Я понял, что в женском модуле сегодня пароль «восемь». Ринат и это умудрился разузнать.

Когда мы вошли в коридор, в нос ударило запахом разнообразных блюд: жареной свинины, бульона и еще много чего. Я еще ни разу не бывал в женском модуле. Коридор показался мне очень уютным. Везде чисто. Сразу было заметно, что здесь живут женщины. По обеим сторонам коридора на дверях висели циферки. Модуль напоминал то ли гостиницу, то ли женское общежитие какого-нибудь учебного заведения. Ринат шел впереди. Я – за ним. Почему-

---

⁷ Денежная единица Афганистана.

⁸ Наркотическое средство.

то ноги мои стали дрожать от волнения, и будто что-то застряло у меня в горле. Вдруг Ринат остановился напротив двери с цифрой восемь и кивнул на нее: мол, эта. По его лицу было видно, что он дрожит от страха, а я жалел о том, что не выпил еще сто грамм «Столичной» для храбрости. Возможно, тогда я чувствовал бы себя смелее. Но, что бы ни было, теперь поздно отступать.

Ринат постучался. Не прошло и мгновения, как дверь изнутри шелкнула и отворилась. Из полуоткрытой двери показалась женская голова. Она моргала ресницами. Я от неловкости не знал, куда деваться. В этот момент Лилия улыбнулась и вышла в коридор.

На ней был тонкий халат без пуговиц, из-под него виднелись ее бедра аж до живота. Волосы растрепаны, лицо гладкое, она нежно улыбалась, ее белоснежные груди проглядывали из-под косого воротника. Женщина, почувствовав еще не потухшую страсть в глазах мужчин, повидавших на своем веку все горести мира, страдания и кровопролитные жестокие войны, встретила нас неожиданно естественно.

– Ой, вы мои гости! Рома, наконец-то ты пришел. Честно сказать, я уже думала, что ты не придешь, – Лилия распахнула дверь и пригласила нас за собой.

– Почему? Я же сказал, что приду! – Ринат взял себя в руки, а я в это время успокаивал себя: не волнуйся, все будет хорошо.

Мы вошли внутрь. Лилия накрыла стол с изысканным вкусом. На стенах комнаты – картинки разных мужчин и голых красавиц. Возле окна стоял двухкассетный магнитофон. В углу – несколько чемоданов друг на друге. На столе югославские варенья и сладости, конфеты с иностранной этикеткой, сгущенное молоко, жареная рыба, колбаса, американские сигареты и сверкающие хрустальные рюмки. В одном углу комнаты – двуспальная кровать, накрытая парчовым покрывалом. Все здесь было так же красиво, как сама Лилия.

Лилия держалась с нами просто. Казалось, что мы не на войне, а где-нибудь в городе, у старой знакомой. Она не могла не знать, с какой целью мы пришли к ней.

– Сейчас, я через секунду. Вы располагайтесь, – сказала она и вышла в коридор с чайником. Я сказал Ринату, что, возможно, нам повезет. Ринат ответил, что мы должны себя держать свободно и шутить. Пока Лилия возилась с чайником, Ринат поставил на стол «Столичную». Затем, вынув из кармана висевшего бушлата японский платок, переложил его за пазуху. Лилия обрадовалась, увидев бутылку на столе. В этот момент Ринат вынул из-за пазухи платок и протянул его женщине. Лилия, вскочив с места, поцеловала Рината в лоб.

– Спасибо, Рома!

На моих глазах стали происходить вещи, которые я не могу передать словами. Лилия сию минуту готова была отдаться Ринату. Ее нисколько не смущало мое присутствие. Я взял со стола сигарету и задымил. Лилия под села к Ринату.

– Ребята, откройте вот это!

Ринат наполнил рюмки. Как бы Лилия ни казалась в это время женщиной легкого поведения, в глубине ее глаз скрывалась какая-то необъяснимая тайна. Она была необычайно красива, настолько, что обжигала своей красотой. Мы взяли в руки рюмки. Лилия как хозяйка стола произнесла первый тост за нас. Мы все выпили залпом.

Мы старались забыть, что находимся на войне, а красивая женщина напротив нас, этот праздничный стол, музыка, песни – словно убаюкивали меня. Постепенно мое настроение начало улучшаться. Почему-то мне захотелось веселиться. Лилия звонко смеялась, раскачиваясь, в ответ на мои шутки. У меня сердце подпрыгивало при каждом движении ее груди. А самое главное, Лилия вела себя с нами непринужденно. Бутылка заканчивалась. Лилия выключила свет и включила ночник. Она не хотела, чтобы какой-нибудь офицер учуял запах водки. В полутьме глаза женщины сверкали и словно звали к себе.

– Почему не наливаешь, Рома?!

– Ладно, моя принцесса.

- Рома, твой друг такой застенчивый.
- Почему? Я люблюсь вами. И вообще, вы мне нравитесь, – сказал я.
- Честно? И всё?
- Честно.
- Идем, садись с этой стороны. Эх, давай оторвемся по полной.

Я подсел к Лилии. Она положила обе руки на наши плечи и начала разговаривать то со мной, то с Ринатом. Было видно, что она пьянеет. Ринат тоже шатался, целовал ее в глаза, щеки, и даже всем телом пытался накрыть ее. В такие моменты Лилия сразу отодвигала его.

Снова наполнили рюмки.

– Ребята! Лапочки мои! Давайте, выпьем за то, чтобы вы живыми вернулись домой, к родителям, – сказала Лилия. Ее голос прозвучал грустно, и она тяжело вздохнула.

– Если повезет, вернемся. Жизнь покажет. А может, навсегда останемся в этом проклятом Афгане, – сказал Ринат и залпом выпил рюмку.

Лилия протянула ему закуску. Ринат опирался локтем на стол, поддерживая ладонью лоб. Вдруг он стал качать головой, не отрывая взгляда от пола. Я не хотел, чтобы вечер закончился чем-то постыдным. Мы с Лилией взяли рюмки. Ринат резко поднял голову и уставился на Лилию.

– Лиля, мать твою, Афган. По-ня-ла? Мы замучились уже, Лилия. Ты даже не знаешь, какие ужасные события происходят здесь. Ты только наслышана об этом, поняла?! Афган тебе не игра, если хочешь знать. Война делает человека грязным.

– Ринат, успокойся, приятель. Это бесполезно, – сказал я по-узбекски. На самом деле и я был пьян, но мысли мои были сравнительно ясны.

– Ты не вмешивайся! Зачем они приехали в Афган? Надо их всех загрузить в машину и вывезти в бой. Надо иметь их в любой момент, – он положил голову на стол. – Мне хреново.

Лилия не понимала нашей речи. Она попросила меня перенести Рината на диван. «В любом случае мы ей не противны», – подумал я. Я уложил Рината на Лилин диван. Тот, не переставая, болтал на узбекском, рассказывал события, которые были известны и мне. «Стреляй, быстрее стреляй!» – кричал он. Лилия положила влажную тряпку ему на лоб. Все ее действия были искренними.

– Почему он так быстро опьянел? – спросила она удивленно.

– Не знаю. Может, накурился, прежде чем прийти сюда.

– А-а-а! – Лилия кивнула головой: мол, понимаю.

Ринат заснул. Мы с Лилией остались наедине.

Ночь была чарующая и какая-то радостная. Мы снова выпили понемногу. Лилия взяла из тумбы полбутылки водки. Вся комната была в клубах сигаретного дыма. Я приоткрыл створку окна: в комнату ворвался свежий воздух с запахом дождя. В голове у меня прояснилось. Я начал чувствовать себя лучше. Постепенно Лилия стала казаться мне самой красивой женщиной на свете. Я стал смотреть на нее с нескрываемым желанием. Она заметила это и улыбнулась:

– Неужели так трудно жить вдали от женщин?

– Наверное, да.

– Война ужасна. Я люблю вас всех. Мне хочется всех прижать к груди и приласкать. Жалею вас. Сегодня вы есть, а завтра нет. Но я хочу, чтобы вы с Ринатом выжили. Честно сказать, я приехала сюда, чтобы заработать денег, но мне все надоело, и я сейчас жалею об этом. Каждый день паника, смерть. Все однообразно. Знаешь, мне хочется всех солдат обнять и помолиться, чтобы они выжили. Часть пустеет, когда вы уходите в бой. В такие моменты я представляю, как наши солдаты умирают, или бьются в агонии, или же отстреливаются. И меня тошнит от себя. Я начинаю ненавидеть себя за то, что зарабатываю деньги здесь, где каждый день умирает бесчисленное количество солдат, которые борются со смертью на поле битвы. Но что мне делать, скажи. В России сейчас я не смогу жить так, как все люди. У меня никого нет.

Близкий человек бросил. Я даже не могу заниматься проституцией на улице. Мне не на что будет прожить. На каждом шагу грабители, воры, хулиганы, карманники. Ты или Ринат, вы все здесь подвергаетесь унижению, а там, в ресторанах, кафе-барах ваши ровесники – дети богачей – развлекаются вовсю, насилуют, убивают. Жизнь становится жестокой. Я не оправдываю себя. Но я тоже имею право на жизнь! Да, признаюсь, что до сих пор занималась проституцией. Еще в десятом классе классрук соблазнил меня. Он был не женат, и мы жили вместе. Когда я забеременела, он бросил меня. Отца не знаю. Мать погибла в автокатастрофе, когда мне было четырнадцать. Меня воспитала бабушка. А когда умерла и она, на мою голову обрушились беды. Я устроилась работать на фабрику, но и там не повезло. Обзавелась знакомыми, которые угощали меня бутылкой вина или пачкой сигарет. Мне надоело, но ведь надо что-то делать, чтобы жить.

Несмотря на то, что в Афгане я зарабатываю намного больше, чем в России, я поняла, что ошиблась, приехав сюда. Знаешь, почти все женщины приехали сюда ради наживы и развлечений. Каждую ночь они проводят с офицерами, им привозят из Кабула вещи, которые тебе и не снились. Но на войне тоже нужны женщины. Нас ведь специально сюда привезли, потому что мы нужны офицерам. Они без нас не могут.

Лилия хоть и еле шевелила языком, но говорила правду. Я снова наполнил рюмки. Мы выпили за то, чтобы живыми вернуться с войны. Она молча уткнулась в невидимую точку. Затем, медленно подняв голову, посмотрела на меня.

– Скоро снова выйдете в бой. И в этот раз будет участвовать вся армия. Оказывается, посты в Гардесе окружили.

– А ты откуда знаешь? Мы же еще не готовились.

– Сказал один из офицеров штаба.

– Когда?

– Вчера пришло поручение из штаба армии. По-моему, это произойдет очень скоро.

Я слышал, что те, кто в части, раньше всех узнают обо всех новостях. Но больше всего удивляло, что весть, которая еще не успела дойти до командиров взводов, была известна этой женщине.

– Офицер врет. Боя в скором времени не будет, – сказал я.

Я и сам не понимал, зачем это сказал. Признаться, я очень не хотел этого боя. По-моему, женщина заметила это:

– Ты участвовал во многих боях. Не боишься, наверное?

– Знаешь, и все равно не хочется умирать ни за что, без цели шататься и страдать.

– Понимаю. Я осознала это здесь: эта война никогда не оправдает Советскую армию.

– Лилия, мы оскрамлились. Хуже всего то, что, если мы умрем, нас даже не вспомнят, а если и будут вспоминать, то с проклятиями.

– Вас никто не будет проклинять. Только будут глубже анализировать суть и цель этой войны. Э, не думай об этом, главное – выжить.

– Все равно тяжело на сердце, если не знаешь, что тебя ждет. Мы ведь не знаем, что нам уготовила судьба.

– Ты в первом батальоне?

– Да.

– У вас комбат хороший. Он не трусливый. Хороший человек. Понимает солдат, адекватный. Среди офицеров есть несколько таких мужиков. Остальные не очень.

– Почему?

– Сплетни распространяют.

– Наш командир роты тоже довольно смелый, сообразительный офицер.

– Стоногин? Да, знаю. И вообще, среди офицеров пехоты много настоящих мужчин.

Я задымил сигаретой, немного отвлекся от грустных мыслей. Казалось, что с Лилией мы столетние знакомые. Она тоже взяла сигарету в рот и чиркнула спичкой. Установилось недолгое молчание. В комнате похолодало, и Лилия закрыла окно.

Снаружи дверь заперли. Я начал чувствовать себя свободнее. Ринат крепко спал на диване, и я никак не мог сейчас увести его с собой.

– Что же делать с Ринатом? – спросил я, вставая с места.

– Не трогай его. Ты тоже не пойдешь. Здесь заночуешь, – сказала Лилия, задерживая занавески. Она выключила ночник. Я давно протрезвел.

В ту ночь я чувствовал себя как ребенок, блаженствовал от самых нежных ласк в мире и не хотел, чтобы наступал рассвет. Я желал, чтобы эти мгновенья длились всю жизнь. Я не хотел видеть проклятые казармы, танки, БМП-2 и офицеров. Я ожил за одну эту ночь.

Мы спали до утра. Лилия рассказала мне о многом. Ведь как-никак она была женщиной в самом соку, и была единственной отрадой для парня, который застрял среди этих мерзких взрослых игр. Обняв меня за шею, она зашептала мне на ухо:

– Солдатик мой. Обещаешь?

– Что?

– Солдатик мой, дай слово, что не умрешь, что теперь всегда будешь вспоминать меня. Ты такой хороший. Не умирай, пожалуйста. Ладно? – Она плакала, всхлипывая. Слезы так и катились по ее щекам. У меня сердце разрывалось на части, и я прижал ее к себе. Будто ком застрял у меня в горле. Я ее так сильно любил в эту минуту, потому что еще никто здесь не переживал за меня, как эта женщина.

– Я буду жить, Лилия. Я не умру в этом проклятом месте. Не горюй. Я выживу, – сказал я и залился горячими слезами.

Когда рассвело, я пошел мыться. Душевая комната располагалась в конце коридора. Лилия принесла мне полотенце, мыло и шампунь. От этого я еще больше полюбил ее.

Приведя себя в порядок, мы разбудили Рината. Лилия и ему протянула средства для мытья и полотенце. Казалось, он смутно вспоминал, где находится.

Лилия с искренней теплотой проводила нас. На улице было уже светло. Перед некоторыми казармами дежурные дрыхли как убитые. Наш «чижик», опершись на автомат, рискуя жизнью всей роты, сладко храпел. Мы незаметно подошли к дверям. Настроение у меня было отличное. Я ни о чем не думал. Ринат по дороге молчал, а когда увидел спящего дежурного, пнул его, да так сильно, что тот грохнулся на землю и опешил.

– Ты, собака! Кажись, всю роту зарезал «дух». Твою мать!

Солдат вскочил с места. Мы, не обращая внимания на него, зашли в казарму. Солдаты спали крепким сном, не подозревая о том, что жизнь может быть прекрасной за ее стенами. Казарма показалась мне очень мрачной и холодной. Я нисколько не устал, хотя всю ночь бодрствовал. Ринат, не раздеваясь, рухнул на кровать. Дождь прекратился. Когда рота проснулась, я подумал, что все пойдут в парк, а пехота будет чистить оружие. Я лежал на кровати, глядя в потолок. Хотя я и чувствовал себя превосходно, ноги устали, суставы ослабли. Я подумал о Лилии, и у меня в душе просветлело.

II

Рота выстроилась перед казармой. Как обычно, командир роты после приветствия ознакомил нас с предстоящей работой. Пехотинцы после завтрака должны были почистить ружья, бронемеханики и операторы – подготовить технику к бою, проверить связь, стрелковое оружие, ленты зарядить снарядами, а машины заправить маслом. Было ясно: скоро выйдем в бой.

На завтрак дали вареную рыбу и кашу, но никто не притронулся к ним. Выпили только кофе с сахаром и съели кусочек хлеба со сливочным маслом. Те, кто давно служил в Афгане, никогда не ели такую еду. А тех, кто ел, унижали, обзывали «чмошниками» и отворачивались от них. Солдаты, знавшие себе цену, даже если умирали от голода, никогда не притрагивались к такой позорной еде.

Мы с Ринатом только хотели выйти из столовой, как нас окликнул Мумин, сидевший в начале стола. Наши приятели Нурмахан и Юра тоже были с ним.

– Что, нет аппетита? – спросил Мумин, отодвигаясь и освобождая нам место.

– Да, что-то не хочется, – сказал я.

– Давайте по кружке кофе, а потом что-нибудь придумаем.

– Сейчас пойдем в технопарк и там что-нибудь приготовим. Только со склада надо будет что-то взять, – сказал Нурмахан.

Мы торопливо первыми вышли из столовой.

Мумин и Нурмахан пошли в сторону продуктового склада, Юра – в магазин, а мы с Ринатом – в «холодную колотерку», чтобы приготовить место для трапезы. Это склад, где хранились солдатские рюкзаки, старая одежда, одеяла. Мы договорились весь день провести здесь.

Нурмахан, лучший стрелок в роте, был очень наивным. Мумин – механик в БМП-2. По-русски он плохо говорил, но отлично управлял машиной. А Юра, если не принимать во внимание его хитрость, был смелым воином и командиром пехотного отделения. Он умел держать себя в руках в любой ситуации. Мы все впятером считались дедами и уже успели понять здешнюю жизнь. Главное, чтобы командир роты не узнал, что мы на складе, а других офицеров мы сможем кое-как отвлечь. Они тоже лишний раз не хотели обижать дедов, потому что знали, что эти повидавшие всего солдаты в нужный момент окажут хорошую услугу в бою. В Афгане офицеры осторожно общались с солдатами. Потому что на войне пуля никого не выбирает, и каждый пригодится в бою: кто-то вынесет труп с поля боя, а кто-то поможет перевязать рану приятелю и тем самым спасет ему жизнь. Здесь ценишь каждую секунду жизни, а на остальное наплевать.

Ребята принесли все необходимое, освободили уголок на складе, постелили старые шинели. Мумин приступил к приготовлению плова. Юра развлекал нас анекдотами, а я, положив под голову рюкзак, приготовился спать. Ринат глотнул лосьона «Роза», который принес Юра, и закурил. Нурмахан вынул из рюкзака деревянную лопатку для рытья траншеи, стал ею рубить дрова из ящиков из-под боеприпасов и развел огонь под казаном.

На складе все было разбросано. Здесь можно было найти что угодно: гранаты, сигнальные ракеты, фляжки, валенки, сапоги, одеяла, продырявленные мышами. Все необходимое для боя хранилось здесь.

Помещение наполнилось дымом. Мы немного приоткрыли дверь. В тридцати шагах от нас, перед казармой, солдаты чистили ружья, операторы и механики выстроились в ряд. Техник роты – прапорщик Довгий – всю злость на нас выплескивал на других. Я наблюдал за тем, как прапорщик ходил туда-сюда, выкрикивая нецензурную брань.

Довгий слыл душой компании, был вспыльчив и так же быстро остывал. Он понимал солдат. Если сегодня совершить ошибку и не показываться ему на глаза, то завтра он мог

и не вспомнить об этом. Довгий подождал нас около пяти минут и, поняв, что мы не придем, повел броню в парк.

Я не смог отоспаться: мешали разговоры приятелей. Закончив пачку «Донских», я попросил Юру рассказать какой-нибудь анекдот. Видимо, он того и ждал, так как сразу начал рассказывать истории собственного сочинения. Мне понравились про глупого офицера и красивую девушку с автоматом. Другие тоже хохотали. Плов был уже на подходе. Все выпили по глотку «Розы». От напитка и в самом деле пахло розой, но он обжигал кишки и горло. Ринат вынул из кармана свернутые в бумагу хрустящие черные ломтики гашиша⁹ в форме печенья, раскрыл кусочек, смешал с сигаретой «Донской табак» и вложил смесь обратно в пустое отверстие. Черный ломтик оказался слишком острым. Когда мы затягивали по второму кругу, будто что-то стукнуло в голову. Я начал терять равновесие. Третий круг мы перенесли на потом. Мумин поставил казан с пловом посередине. Говорят, накурившиеся люди много едят. Мы быстро съели весь плов в казане. Следом выкурили две пачки «Хона»¹⁰. Затем каждый глотнул розовой воды. Напиток, выпитый с хрустящим ломтиком, начал постепенно действовать. Почему-то мне захотелось вспомнить погибших в бою друзей и плакать. У меня покатались слезы. Я прижал к груди Рината и заплакал. У меня перед глазами застыл бой в Чарикаре¹¹. Тогда надо мной и Ринатом нависла угроза попасть в плен к душманам¹².

– Нас спасли танкисты, Ринат! Иначе мы сейчас в Пакистане ходили бы в цепях.

В глазах Рината заблестели слезы. Нурмахан, Мумин, Юра – мы все плакали.

– В прошлый раз я вынес на руках Андрея. Отличный был парень. У него грудь разорвало. Его кровь была на моей одежде, руках, – Мумин говорил, глядя на свои пальцы. – Я не хочу терять еще кого-нибудь из части, понимаете, я уже боюсь идти в бой. Когда говорят «готовьтесь к бою», у меня сердце ноет. Поскорее бы все закончилось. Надоело уже. Дай воды, Ринат! – Он жадно выпил воду из фляжки.

– Братаны, у меня нет отца. У меня мать старая. Если я умру, она с ума сойдет. Понимаете, она лишится ума. Я увидел в жизни намного больше, чем моя мать, но я должен жить и живым вернуться домой. Я не имею права умирать.

– Нурмахан, у меня тоже нет отца. Я единственная опора матери. Если б вы знали, какие письма пишет моя бедная мама. У меня сердце разрывается, когда читаю их. В бою у меня всегда перед глазами мелькает мать. Сейчас ей намного тяжелее, чем мне. Мама. Эх, мамочка, ваш сын курит гашиш, употребляет наркотики, что раньше и в голову ему не приходило. Мама, я соскучился! – Ринат бросил шапку под ноги и изредка звучно плевал.

Мы были похожи на бредивших сумасшедших. Снова взяли ломтики. Затянулись по одной. Лицо мое похолодело. Я окончательно потерял контроль над собой. Руки и ноги не подчинялись. Казалось, будто я приподнимаюсь над землей и летаю. Издалека был слышен плач, перед глазами плыли какие-то переливающиеся волны. У меня губы постепенно высыхали от обезвоживания. Я ничего не осознавал. И только звуки плача. Я будто испарился. И словно не было этой войны...

---

⁹ Наркотическое средство.

¹⁰ Название сигарет.

¹¹ Город в Афганистане.

¹² Население Афганистана, воюющее против советских солдат, также талибы, моджахеда.

III

Я проснулся, не понимая, что происходит. Надо мной сидел Ринат. Глаза у него были красные от бессонницы, веки опухшие. У меня голова гудела и пульсировала от боли, как будто по ней били булавой. Тело обессилело. Я был голоден, губы высохли.

– Ринат, где остальные? – спросил я, еле приподнимаясь и опираясь на рюкзак.

– Они пошли за едой, скоро вернутся. Мы тоже только что проснулись. Представляешь, все спали как сурки. Хорошо, что нас не заметил ни один шакал.

– Дай фляжку.

Ринат снял с ремня железную флягу и протянул ее мне. У меня внутри все горело. Залпом я опустошил всю фляжку. Немного полегчало, и боль в голове утихла. Мы приоткрыли дверь склада. Снаружи ворвался запах влажной земли. Я с нетерпением ждал, когда принесут еды. Потому что надо было поскорей подкрепиться и пойти в роту. А если командир роты узнает, что мы весь день пропадали здесь, он опозорит нас перед всеми и заставит дежурить целую неделю.

Голова немела. Только теперь я начал чувствовать влагу на складе. Я замерз. Руки и ноги стали затекать, меня знобило. Я был словно в тумане. Мысли мелькали рваные, я не мог сосредоточиться, события беспорядочно крутились в голове. Казалось, что я спал до сумерек. Я очень хотел есть. От обычного запаха старой шинели и шмоток меня теперь тошнило. Очень хотелось вдоволь напиться студеной воды, устроиться в каком-нибудь живописном месте и еще немного вздремнуть. Мне не хотелось видеть Рината, который шатался напротив меня с покрасневшими глазами и бессмысленным взглядом. «Вот бы сейчас оказаться в родном кишлаке, возле арыка Хазарбог¹³, где солнце светит, и раскинуться там на траве. А небо там чистое-пречистое, поля бескрайние, да, кстати, сейчас там как раз сезон урожая клевера, интересно, кто сейчас там бригадир, э, какая разница».

Я встрепенулся от громкого шума. Ринат возле двери споткнулся о рюкзак. Оказывается, когда человек теряет голову, он не знает, куда ему идти. По-моему, мы в это время напоминали летучих мышей. Ринат выругался матом.

– Что, сильно ушибся?

– Э, мать твою. Не могу удержаться на ногах.

– Если можно, давай поменьше курить эту проклятую штуку, приятель.

– Мы уже, кажись, привыкли... Какая теперь разница. Хорошо же, от этого мы не портимся. Иначе мы не продержимся здесь. Лучше бы мы вышли в бой. Там и время быстро проходит. Мне кажется, чем страшнее бой, тем больше ты не осознаешь происходящего. Во время боя не страшно, но после, когда ты вспоминаешь о нем, тебя охватывает ужас минувшего.

– Это если ты останешься жив и повезет вспоминать.

Ринат был довольно закаленным, ловким парнем, но у него были и детские замашки. Иногда он обижался, как маленький. В такие моменты можно было подумать, что он единственный избалованный ребенок в семье. Он за словом в карман не лез, знал свое дело. Ни разу я не заметил, чтобы он струсил. Во время боя его лицо оставалось невозмутимым. Он любил говорить о женщинах. Услышав, как он вел себя до армии, я удивился. Он умел наслаждаться жизнью. Иногда ребята подшучивали над ним: «мол, ты повидал в жизни столько женщин, что не страшно и умереть, а мы, кишлачные, еще не успели даже нормально сходить на свидание, так что, если вернемся домой, познакомишь нас со своими девчонками». В роте только Валерий и Валис получали письма от жен. Казалось, что они успели многое повидать в жизни. Все завидовали им. По сравнению с ними остальные были как мальчишки. Вместо девушек им

---

¹³ Название реки в Сурхандарье.

суждено было прижимать к груди оружие. Словом, этих восемнадцати-двадцатилетних ребят судьба, можно сказать, обделила. Они были несчастными.

– Ринат, только честно скажи, о чем ты думаешь на войне?

– Признаться, у меня голова перестает работать. Я ничего не понимаю. Какое-то неожиданное чудо меня выручает. Если летит снаряд, я сам не замечаю, с какой скоростью оказываюсь в лежачем положении. Какая-то сверхъестественная сила мной управляет.

– Ты прав. Странно, если вместе со звуком снаряда переходить в защиту. Человек действует быстрее снаряда, летит быстрее пули.

– Ты не сможешь объяснить свое состояние во время боя, – сказал Ринат.

Мы по одной закончили «Донские» сигареты. Я думал, что мерзну из-за того, что спал на холоде. На самом деле у меня повышалась температура. Я взял шинель с застоявшимся неприятным запахом, укрылся ею и снова растянулся на полу, чтоб вздремнуть. Мне очень хотелось, чтобы этот день поскорее закончился. В темном углу склада, укрывшись шинелью, я думал о Лилии. Я не мог оживить в памяти вчерашние события. Я подумал, что то был сон, и даже поверил в это.

Открылась дверь, и послышался ворчливый голос Нурмахан.

– Эй, братаны, я принес. Пообедаем здесь, а потом выйдем.

Из-за пазухи он вынул буханку хлеба, из кармана вытащил несколько кусочков сахара. Ринат с пустой фляжкой вышел наружу. Мои глаза постепенно стали привыкать к темноте в помещении. Нурмахан разрезал и разложил хлеб на старом матрасе.

– Рота уже почистила все оружие. Броня вернулась из технопарка. После обеда, оказывается, придут сюда за рюкзаками.

– Мы выйдем в бой? Кто тебе сказал?

– В роте ходят такие слухи, но еще неизвестно. Видимо, хотят подготовиться заранее. Говорят, механики и операторы придут на склад за боеприпасами.

Как бы спокойно ни говорил Нурмахан, я чувствовал в его голосе дрожь. Я сделал вид, что мне все равно.

– Даже один однообразный день в полку тоже надоедает. Надо развеяться. Казарма, столовая, караульная, парк. Это же скучно. Давайте мы тоже подготовимся. Кто знает, может, этой ночью мы уже выйдем в путь. Как покушаем, здесь же приготовим рюкзаки и пойдем в казарму. Надо отделить новую одежду от старой. По возможности надо взять в столовой лук, морковь и масло. Дневного пайка нам может не хватить. Еще неизвестно, на сколько дней мы уходим. Обычно говорят: на три дня, а на деле остаемся там не меньше месяца, а то и больше.

– Ты и здесь думаешь о своем желудке, Байбиш¹⁴. Такое ощущение, что ты умрешь с голоду. По-моему, ты живешь только для того, чтобы поесть.

– Э, ты же знаешь, что здесь человек становится странным.

– И ничем не брезгует.

– Что ты хочешь сказать?

– Хочу сказать, что мы похожи на животных.

– Ладно, не умничай.

– Да, ладно. Только возьми вон тот рюкзак и положи мне под ноги, пожалуйста. Я сильно мерзну.

Он не обратил особого внимания на то, что я лежу приказываю ему.

– К тебе один вопрос. Итак, приятель, после Афгана ты продолжишь учебу?

– Конечно. А что?

– Будешь учителем?

– Может быть.

---

¹⁴ Прозвище Нурмахан.

– Ты же, окончив пединститут, не станешь офицером. Кроме того, ты немного нерешительный.

– Послушай, Байбиш. Я поступил в институт, а это значит, что я лучше тебя. Я учился в институте. Много ли, мало ли, но кое-что знаю, приятель. Буду учить детишек.

– Значит, будешь учителем русского?

– На что ты намекаешь? Эй?

– Так ведь ты отлично владеешь русским. Я смеялся до слез, когда в тот раз услышал по связи, как ты отчитывался комбату. Все, кто был на связи, чуть не поперхнулись от смеха. Твой ломаный язык комбат еле разобрал, и ему даже стыдно стало. Ротный тебя назначил оператором только потому, что думал, что ты интеллигентный, поскольку учишься в институте русской литературы.

– Русский я не очень хорошо знаю и все-таки окончил первый курс на «отлично». Как бы там ни было, я немного знаю русскую литературу. Не знать языка – это не значит, что ты неуч. Ты разве поймешь это...

– Ладно, но ты какой-то нервный. Боюсь, ты будешь избивать и ругать матом своих учеников.

– Эй, послушай. У тебя что, язык развязался? Кто тебе говорит, что я буду учить детей?

– Ты сам.

– Хватит шутить, Байбиш. Я не уверен, что буду работать после Афгана. Если честно, я хочу писать. Переведусь на журналистику. А если повезет – стану писателем. Буду писать о людях, о тебе.

– Ты и до армии писал? Признаться, некоторые твои слова напоминают разговоры стариков, и я считал тебя странноватым.

– Байбиш, мы прозевали молодость. Наше детство, пора цветения остались на том берегу реки, приятель. Здесь только смерть и ты. Война. Есть только вот этот мрачный мир. Понял? Ты думаешь, что тебе до сих пор девятнадцать лет? Человек может выглядеть молодо, но глаза его выдадут. Мы повидали многое, Байбиш. Если человек плачет, он в тот же миг проживает пять лет. На войне мы стали хладнокровными, приятель. Я хочу написать о том, как мы превратились в роботов, и вместо сердца у нас в груди застыл камень.

– Ты напиши о том, что война – это не только геройство.

– Мне бы только объяснить людям, что война бессмысленна и писать о ней очень тяжело.

– Война – страх. Страх – потеря сознания. А когда ты теряешь сознание, тебе все равно. На войне я ничего не соображаю. Вспомни бой в Чарикаре, когда все забегались, как идиоты. Мы все взбесились тогда. А ведь после того боя многих отправили в госпиталь, даже если они не были ранены. А другие долго не могли прийти в себя. С тех пор, когда слышу, что выйдем в бой, у меня руки и ноги трясутся, а сердце ноет.

– Байбиш, ты подумал о том, что никто, как мы, не скитается в унижении?

– Немного.

– Ты можешь почувствовать, что здесь мы напрасно рвем себя в клочья? Байбиш, мы мерзкие и бестолковые.

– А что делать? Ты сможешь не выйти в бой?

– Нет. На войне только мертвые не выходят в бой.

– Это я хорошо знаю. Вот и у тебя только после того, как перевели в Афган, глаза открылись. Во время военных учений ты ничего не соображал. Ты говорил, что Афганистан – арена для совершения подвигов. Вот и пришел тот момент, когда можешь совершить геройство. Завтра выйдем в бой, будем стрелять, убивать. Танки, БМП, БТР, увидишь взрывы, так? И ты скажешь: «Как же нас обманули, твою мать!»

– Это игры государства. Э, оставь ее, мать твою.

– Как же называется эта игра? Ты знаешь, с чем нельзя шутить, писатель? – Нурмахан замолчал. Голова моя пульсировала. Веки отяжелели. Я взял в губы недокуренную сигарету Рината. Хотел зажечь спички, руки задрожали. Мне от этого стало еще обиднее. Я дал себе слово больше никогда не пить и не курить проклятый гашиш. Если ты куришь эту штуку, ты о многом забываешь, а главное, пропадает чувство страха. И это часто помогает на войне. Офицеры знают, что ты куришь, но ничего не говорят. Ведь в их глазах ты должен выглядеть смелым. Короче, пока ты не отделишься от себя, ты не сможешь совершать жестокость. «На войне не потерять разум» – это пустые слова.

Снаружи слышались шаги. Мы вмиг спрятались среди барахла в углу. Дверь сразу открылась, и вошли Мумин с Юрой. За пазухой у них изрядно топорщилось. Мы вскочили с мест и стали упрекать их за долгое отсутствие. Они принесли еду из столовой. Мы поставили казан на шинель и стали ждать Рината. На весь влажный склад распространился запах ароматного бульона. У меня проснулся аппетит. Через некоторое время вернулся Ринат. В руках у него было сгущенное молоко в железной консервной баночке, печенье и вода. Мы были сильно голодны. Все съели сразу и без слов. Подкрепившись, каждый стал шарить на складе и собирать для себя рюкзак к бою. В каждый мы положили по три фляжки, по шесть патронташей, валенки, спальный мешок, лопатку для рытья траншей. А боеприпасы, сигнальные ракеты и паек нам выдадут в казарме. Словом, остальное мы можем найти на складе железяк в техническом парке. Приготовив рюкзаки, мы спрятали их в углу и вышли наружу.

Воздух был свеж. До горных склонов, вымытых под дождем, казалось, можно было рукой подать. Вокруг было тихо и ясно. В нашу часть тоже, можно сказать, пришло очарование. Казармы тоже не казались мрачными, как вчера. Лучи солнца то освещали местность, то прятались за облаками.

В казарме все были заняты делом. Солдаты готовились к бою. На полу валялись боеприпасы и всякое вооружение, выделенное для нашей части. Солдаты чистили ружья. Я вынес из оружейной свой автомат и проверил его боеготовность, удостоверился, что он не подведет меня в бою. После того как стало ясно, что утром выйдем в бой, сходил на склад за своим рюкзаком. Положил его под кровать и попросил дежурного присмотреть за ним. Механики и операторы еще не вернулись из технопарка. Я поинтересовался у Рината, готова ли наша машина к бою. На это он ответил: «Не сомневайся, если сам полностью зарядил его снарядами. Ты почистил ствол?» – спросил он в свою очередь. Признаться, мы еще позавчера приготовили машину к бою. Я решил поспать до ужина. Поленившись раздеться, я бросился на кровать в одежде. Нурмахан и Мумин пошли в технопарк. Ринат сказал, что тоже не будет спать. Юра принялся чистить ружье. Под шум в казарме я заснул.

IV

Я проснулся во время ужина. Ровно половина роты выстроилась во дворе. В казарме командир взвода Ермилин дергал остальных, чтобы вывести во двор.

– Эй, твою мать! Давай быстрее, шевелись!

Хватаясь за шапки, не успев засунуть руку в рукав гимнастерки, молодые солдаты выбегали впопыхах наружу. Воодушевившись своим голосом, командир повысил его еще на пару тембров.

– Давай быстрее! На курорте, что ли, отдыхаете у матери? Только бдительность потеряешь, как все на голову перевернете. Пулей на улицу! Считаю до трех. Раз, два, два с половиной...

Я неторопливо встал с места и вышел помыться. Ермилин бросил на меня взгляд и продолжал кричать на недавних призывников. Некоторые деды еще дрыхли на кроватях. Ермилин всю злость выплескивал на «чижигов». Я помылся. Разбудил Рината. В это время уже все деды выходили из казармы. Мы должны были выстроиться, чтобы пойти на ужин, потому что проверял сам командир роты. Ждали до тех пор, пока к строю не присоединился последний солдат. Другие роты давно уже сидели в столовой, а мы были «наказаны» не из-за капризов командира, а за то, что абсолютно нарушили порядок и дисциплину. Рота вошла в столовую спустя полчаса. Командир наблюдал за нами, когда мы ели. Никто не смел смотреть на чужой стол. Никто никого не бил по голове половником или тарелкой... Потому что на голодных давил тяжелый взгляд командира... После ужина рота снова выстроилась перед казармой. Командир объявил о том, что завтра выходим в бой. Приказал, чтобы все снаряжение было готово, «а иначе никто этой ночью не будет спать». Его слова, конечно, вызвали бурю гнева у многих, но все же он заставил выполнить распоряжение. Командир роты Стоногин был искренним и храбрым человеком. Солдаты его любили. Как бы на войне смелые, сильные волей офицеры ни казались строгими и безжалостными, все ими восхищались, их уважало большинство. А для офицера нет большей награды, чем быть примером для подчиненных...

В казарме начался бардак... Солдаты стали готовиться к бою. Кроме того, они должны были успеть поспать до утра. Те, кто подготовился, положив под кровать бронежилет, автомат и каску, легли спать. Я вышел наружу, чтобы покурить. Небо было усыпано звездами. Луна неторопливо плавала в небе, иногда скрываясь за перистыми облаками. Она излучала молочно-белый ясный свет. Казалось, свет и тьма боролись друг с другом. В одно мгновение наступала тьма, затем ярко выглядывала луна. В такие ясные ночи не хочется спать, хочется бодрствовать. Вдали с гор в небо летели сигнальные ракеты. Порой был слышен еле уловимый звук стрельбы из автоматов или пулеметов. Он доносился со всех сторон. Непонятно, кто стрелял: наши или душманы. Бесконечная стрельба в окрестностях не давала покоя людям. А в итоге погибало столько людей! Я попытался поднять себе настроение и не отвлекаться на нелепые мысли. Мне необходимо отдохнуть, при этом не испортив себе настроения. Завтра надо рано вставать. С раннего утра выходим в путь. Поэтому голова должна быть ясной.

«Не дам никакой панике овладеть мной. Предоставлю все на волю Всевышнего. Ведь не в первый раз выхожу в бой, – подумал я. – Эх, сколько человек думает об этом, настолько им овладевает страх. Посмотри вокруг: лунная ночь, светло, небо таинственное, весенний воздух, аж жить хочется! Я еще раз закурю и пойду спать, а утром постараюсь пораньше проснуться. Подумаешь, два-три дня развеемся на воле. Сейчас, наверное, не так сильно стреляют. Гардез – не такое уж опасное место по сравнению с Чорикором. Эй, хватит, ты из-за этого разволновался. Успокойся. В твоём сердце не должно быть никакой паники. Вспомни, как в первый раз ты вышел в рейд. Ты чувствовал себя тогда как лев. Интересно, что ты ни о чем не беспокоился. Спешил тогда поскорее встретиться с врагом с глазу на глаз. Вот еще одну закурю,

и все. “Охотничьи” – все-таки хорошие сигареты, а от “Донских” кружится голова. Рота еще долго не заснет. Может, обойти часть?.. А зачем? В такие вечера, если обойти родной кишлак, в окрестностях издали виднеется свет ламп соседних кишлаков. Мормин, Хужасоат, Обшир, Чеп¹⁵. Такое ощущение, будто звезды повисли над этими кишлаками, а на самом деле это свет в домах жителей. Собаки непрерывно лают. Все спят крепким сном. Веет нежный ветерок, а ты гуляешь. Такую волшебную ночь, наверное, лучше всего проводить в родном кишлаке, рядом с родителями. Интересно, чем сейчас заняты мои? Отец, конечно же, спит. Бедняжка, устал, наверное, на работе. Мать, братья, бабушка еще не легли. О чем же они разговаривают? Может, вспоминают меня. Ведь я тоже думаю о них. Они, конечно же, беспокоятся обо мне. Здесь война. Ты можешь умереть. Но я ни за что не хочу умирать. Я вас не оставлю, мои родные. Мы еще встретимся. О Боже, сделай так, чтобы я не умер! Пусть я вернусь живым и из этого боя. Пусть мы не умрем, сделай так, чтобы меня не ранили. Боже, сохрани нас!..»

В раздумьях я оказался недалеко от женского модуля. Я застыл на месте. Снова закурил. Я отчетливо увидел дежурного перед дверью модуля. Интересно, чувствует ли он, что видеть женщин в тысячу раз тяжелее, чем идти в бой? В такую светлую ночь невозможно спрятаться. Даже с маленького расстояния (в несколько шагов) можно узнать, из какой роты этот дежурный. Интересно, а сколько лет он служит в Афгане? Если он дед, для него позорно дежурить в женском модуле. Даже под страхом смерти он не станет всю ночь караулить это место. Наверное, поставили кого-нибудь из «чижигов». Еще никто из нашей роты не дежурил в женском модуле. Боеспособных ребят никогда не ставят караулить женщин. Скорее всего, это один из «мальчиков на побегушках», не видевших ничего, кроме штаба. Им ведь все равно. Они готовы умереть, лишь бы не выйти в бой, не брезгуют никакой работой в части, лишь бы не воевать. Поэтому этих бесстыжих справедливо называют «штабскими курицами». Иначе бы они не были такими чистоплюями. Эти упитанные белоручки вдоволь спят, чисто одеваются, никогда в жизни не стреляли из автомата. Попробуйте сказать им, что они выйдут в бой, так они тут же наложат в штаны. Но они раньше всех в части слышат обо всех тайных приказах и заданиях. В отношении простых солдат они держатся высокомерно и благодарят Бога за то, что на войне им не приходится воевать. Солдаты некоторых из них ненавидят, потому что, не выходя из штаба, они каким-то образом носят на груди «Красную звезду» или «За отвагу». А ведь они приписывали себе заслуги солдат. Ясно, что эти награды предназначались для ребят, героически воевавших на войне. И никто ни о чем не спросит, ибо, если ты воюешь в Афгане, то непременно должен быть героем. Э-эх, всюду бардак. Даже среди военных нет справедливости. Даже на войне они лгут друг другу.

У меня не было желания заходить в модуль, и ничто меня сейчас не могло бы отвлечь. Я чувствовал себя настолько жалким, что никого не хотел видеть. Вот бы сейчас оказаться в пространстве, где никого нет! Ничто не может помочь человеку, который жалок самому себе. Если бы меня сейчас спросили, чего я хочу, я бы точно не знал, что ответить. Потому что я был разбит. Я ненавидел всё и вся: и жизнь, и себя. Мне все надоело. Для того, чтобы показаться на глаза Лилии, я должен был полюбить себя, морально подготовиться к такой встрече. Если человек почувствует, что он исчез, и поверит в это, то он поймет, что лишился многого. Ладно, допустим, и что я ей скажу? Кривляясь, буду мямлить, что, мол, завтра я выхожу в бой? Попрошу у нее снисхождения и буду ласкаться? Как? Ведь я уже разорен изнутри!

Возвращаться было трудно, но я должен отдохнуть в казарме, ведь завтра тяжелый путь.

В казарме не стихал шум. Солдаты, устроившись группами по углам, кушали, курили. Другие готовились к бою. Сборы новых призывников продолжались до сих пор. Они клали в рюкзак все, что под руку попадалось. Были слышны шутки, мат, а иногда из одной стороны казармы в другую летели кирзовые сапоги. Кто-то громко матерился, в это время поднимался

¹⁵ Названия местностей в Сурхандарьинском регионе.

смех. Многие, наклонившись над тумбами, строчили письма домой. Это была такая традиция – перед боем писать близким.

Я написал матери и лег спать. Завтрашний день беспокоил меня сильно. Я не мог заснуть. Я превратился в человека, колеблющегося между жизнью и смертью. Я был обречен на то, чтобы грезить и страдать. Хотелось бы знать: мои соратники по оружию, которые дышат вместе со мной в этой казарме (и, возможно, будут ранены завтра вместе со мной или погибнут) – они так ли мучаются, как я, не понимая себя? Интересно, если человек чувствует приближение смерти или беды, он попадает в мое положение? Ведь раньше у меня никогда не было такого состояния. Я встал и принес из оружейной толстый бронежилет, положил его в изголовье кровати. На всякий случай опустил в рюкзак шесть патронташей. Боеприпасов в машине было предостаточно. Взял у старшины десять пачек сигарет и тоже положил в рюкзак. Казалось, надо было еще кое-что сделать. Подозвав одного из «чижигов», велел ему пришить белый воротник к моей гимнастерке. А сам, пусть и насильно, должен был заставить себя спать.

Человек в любой ситуации иногда чувствует, что счастлив, хотя счастье – понятие относительное, но это значит, что впереди его еще ждут неполноценные, незавершенные, грустные дни. Казалось, мое счастье в ночи было при моей жизни. Человечество придумало понятия «счастье» и «несчастье», чтобы утешить себя. Чем больше расстояние между жизнью и смертью, тем быстрее человек готовится к беде и начинает привыкать к этому состоянию. А девиз «Жизнь – это счастье» становится смешным.

И все-таки я не мог заснуть. Солдаты теперь меньше сновали по казарме и не действовали на нервы. Ринат, поужинав в казарме четвертого взвода, подошел ко мне. Настроение у него было бодрое. Он успел и подтянуться.

– Почему не пришел к нам? – спросил друг, садясь на свою кровать. Но постепенно я заметил, что у него лицо было бледное, а глаза красные.

– Нет аппетита.

– Принесли отличное лекарство. Стоит закурить одну, вообще будешь как новенький.

– Ты все приготовил?

– Не волнуйся. Давно уже все готово. Ты же знаешь меня. Не в первый раз выходим. Хорошо, что вся армия будет участвовать на этот раз.

– А что, если вся армия участвует, то будет праздник? – сказал я раздраженно.

– Ну, все-таки чувствуется торжественность. Не думаю, что минует всю технику и бесчисленное количество людей, пуля найдет именно тебя. А вообще-то, кто знает... Посмотрим. Враг теперешний – не наивный. Вчетвером они способны расправиться с целым полком.

– Конечно, афганцам легче, потому что они здесь родились и выросли, знают округу как свои пять пальцев. Поэтому и перевес на их стороне.

– Э, да, они забираются в какую-нибудь пещеру и изредка стреляют, да так, что попадают без промаха. А мы выходим с артиллерией и часами палим, затем отправляем самолеты, и под конец еще пехоту. И тогда они валят нас, как тутовник на дереве.

– Ринат, в этот раз я совсем не хочу выходить в бой. Ты же все равно будешь рядом со мной. Не дай бог случиться беде.

– Э, у всех бывает такое настроение. Мы сейчас зачем курили? Затем, чтобы, мать твою, забыть обо всем. Закурим?

– Ладно, давай. Только хорошенько скрути.

Ринат быстро высыпал содержимое «Донских» сигарет на ладонь и размолот его вместе с гашишом. Я стоял на шухере, чтобы офицеры не заметили. После того, как сигареты были готовы, мы вышли наружу.

– Для двоих этого многовато. Я много положил. Ты в углу подожди, а я позову Мумина и Юру, – сказал Ринат и зашел обратно.

Я ждал в углу казармы под лунным светом. Они вышли втроем, мы пошли в сторону модуля и там же стали курить. Воздух наполнил острый запах анаши. Он действительно оказался сильнодействующим. После первой затяжки у меня закружилась голова, лицо похолодело. С каждой секундой я превращался в абсолютно другого человека. Вторая затяжка вообще сбила меня с толку. У меня закрылись глаза, все вокруг закружилось. Я пытался сделать глотательное движение, но у меня закладывало уши. Не обращая внимания на приятелей, я побежал в казарму. Я был настолько легок, что, казалось, летел как птица. В душе не осталось и тени печали. Я почему-то засмеялся, а когда влетел в казарму, стало душно, я не мог дышать. Кое-как добрался до кровати и рухнул в постель.

V

С раннего утра технику выстроили на открытой местности. В передних рядах стояли танки. Саперные танки – БТР – стояли после минопроверяющих бульдозеров-катков. Следом за ними – разведывательные танки БМП, колонну замыкали мотострелковые танки БМП.

Связь проверили в соответствии с обговоренной датой. Каждая рота имела свой термин. Почти каждое действие выполнялось при помощи цифр. Особое значение придавалось хранению тайны. Скажем, если надо было двигаться вперед, произносилось «семьдесят три», «шестьдесят один» означало приказ остановиться. Словом, связь была полностью зашифрованной. Командирам роты, кроме карты похода, раздали бумаги с различными комбинациями чисел, которые применялись в бою вместо слов во время сеансов связи, и комментариями к ним. Об этом знал каждый солдат, но, в основном, операторы БМП-2. Потому что оператор всегда должен был быть на связи, указывать дорогу механику, а если нужно – управлять машиной на основании приказа.

На рассвете наша часть отправилась в путь. От шума в шлемофоне я нервничал и клевал носом. После того как колонна вышла с территории полка, поступил приказ «быть наготове всем операторам».

Я ехал, спокойно закуривая. Все равно, пока мы не выйдем из Кабула, никто в нас не будет стрелять. Через пять-шесть километров начнется город Кабул. Потом мы пересечем город и двинемся на юг, в сторону Гардеза. Пехотинцы, сидя на машинах, дремали. Иногда Юра стучал заснувшим солдатам прикладом автомата по голове. Встрепенувшись и не понимая, в чем дело, они озирались вокруг с вылезшими из орбит глазами от страха.

– Ты почему спишь, а? Мать твою! Если сейчас упадешь с машины – тебе хана!

Солдаты, ничего не отвечая, отворачивались и закуривали. Спать стоя на дежурстве или по дороге в бой на машине было очень постыдным.

Население Кабула высыпало на улицы и с ужасом смотрело на огромное войско, от звуков передвижения которого содрогалась земля. По дороге встречные машины останавливались и ждали, пока мы проедем. Магазины холодно и принужденно улыбались и кланялись нам. По-моему, в мире нет такого народа, как этот, который с головой бросается в торговлю, но очень труслив. Стоит вам что-нибудь захотеть купить у них, они вас так облапошат, что мало не покажется. Но в любом случае Кабул был мирным городом. На каждом углу здесь можно было увидеть советских солдат и людей в штатском, а возле посольства свободно ходили русские женщины.

Колонна, выехав из города, повернула на юг и ступила на ровную дорогу, окруженную горами. Веял бодрящий весенний ветер. Небо будто бы опустилось низко, было чистым и ясным. Горы казались очень красивыми. По мере того, как мы шли по пологому подъему, внизу открывался неповторимой красоты пейзаж: ярко-зеленые луга, быстро текущая река, низкие дома, утопающие в зелени цветущих деревьев. Рядом с нами художница-природа будто рисовала красоту жизни. Но природе нет дела до тебя. Ей все равно, что ты делаешь: стреляешь или погибаешь, палишь из самолетов или артиллерии. Ей это неинтересно. Если захочет, она покрасит все вокруг в зеленый цвет, или в белый, или в желтый, а может и вовсе все оголить. А слепцы и недоумки, которые не могут представить себе эту чудотворную силу, заняты тем, чтобы на корню отрезать жизнь, убивать и выкалывать друг другу глаза или съесть чужое сердце и довольствоваться этим. На самом деле на войне люди убивают не друг друга, а саму жизнь.

Когда мы поднялись на еще более высокую точку, до Гардеза оставалось пятнадцать верст. По этой дороге со вчерашнего дня успели пройти еще несколько частей. Те, что прошли

первыми, стояли на обороне. Эти части охраняли дорогу до Гардеза. После обеда мы прибыли в Гардез. На широкой площадке нам разрешили два часа отдохнуть.

БМП-2 и танки образовали круг. Стволы были направлены в разные стороны. Воины развели огонь под сенью техники и подогрели консервы с картошкой и мясом. В воздухе запахло ароматной едой. В четыре стороны поставили караул. После того как опустошили посуду с едой, в ней же каждый для себя заварил чай. Мы пообедали на скорую руку. На предстоящем пути больше не было никакой части или батальона, которые могли бы нас прикрыть. Задача нашего полка была войти в местность под названием Лангар и действовать по ситуации. Поэтому ни мы, ни крупные звезды в штабе не знали, какое представление ждет нас впереди.

Действовать по ситуации означало, что каждый за себя, и любым способом надо выполнить задание, но при этом остаться в живых.

Колонна тяжело тронулась в путь. Через пять-шесть верст по пустырю мы добрались до кишлака. Вдоль дороги не было видно домов, вокруг – только деревья. На улицах повсюду лежали остатки взорвавшейся техники, гильзы, и уже подступала паника. Наша техника ускорила темп. Дрожь пробегала по телу при виде рухнувших домов, стен и мрачных крепостей. Казалось, что за армией следила какая-то невидимая тень.

Колонна полностью вошла в кишлак. Наш батальон расположился в открытой местности в тени деревьев, значительно дальше от домов, крыши которых виднелись издалека. БМП были направлены на кишлак на точном расстоянии. Пехотинцы стали рыть траншеи вокруг машин. Стволы орудий были нацелены на еще не успевшие рухнуть стены. Я внимательно наблюдал за окрестностью. Внизу можно было увидеть дома и деревья. Но если начнется стрельба, то наш привал останется под градом снарядов. По связи командир батальона приказал быть наготове, а если заметим какое-нибудь движение, разрешил стрелять без слов. Для нас было важно держать кишлак без движения.

Казалось, вот-вот небо свалится на землю. Тишина. Не было слышно даже шелеста листьев на деревьях. Холодное молчание. Я снял шлемофон и отсоединил связь. Было очень жарко. Я словно задыхался. Командир роты Евдокимов в машине через бинокль наблюдал за окрестностью, или мне так казалось. Он недавно прибыл в Афган, еще не видел боя, и ему было интересно. Мне, признаться, было даже жаль его. Бедняжка, он, наверное, даже представить себе не может, каким бывает настоящий бой. Он всего лишь начальник, офицер. Какой он на самом деле вояка, увидим во время боя. На войне люди с железными нервами рушатся изнутри и понимают, что исчерпали себя, но надо терпеть. Несправедливо давать оценку воину, не видевшему боя.

А еще одна истина – надо понимать тех, кто теряется на поле боя, проявляет трусость. Потому что человек не железный. Если есть осознание ужаса войны, то считаю оскорбительным махать на это рукой. Кто-то осознает его сразу, кто-то позже, а кто-то в течение всей жизни каждый раз хватается за сердце. Люди на войне делятся на две категории: сильные волей становятся героями, а те, у кого сдали нервы, прослыывают трусами.

Командир роты по связи проинформировал, что в местности, где мы стоим, все мирно, а солдаты готовы к бою. Я приготовил машину к пальбе. Боеприпасов было достаточно. Но если начнут стрелять в нас из крепостей по бокам, а не из домов напротив, то нам конец. Я предупредил Рината: если начнут атаковать со стороны крепости, не раздумывая отходить назад, на большую дорогу. В такой битве каждый воин должен думать о себе. Ринат это хорошо понимал. А что делать? Зато, сбежав с поля боя, останемся в живых. Главное – не попасть под гранату и вместе с машиной не отправиться на тот свет.

Я очень ждал стрельбы. Уж больно хотелось увидеть, как поведет себя вот этот командир. Он ведь не видел настоящего боя и, возможно, растеряется. Кто знает, может, он цепкий и будет геройски воевать, ничего не страшась. Но если он действительно смелый, то тут же завоюет уважение среди солдат, его будут слушаться. Ну а если струсит, то позора ему не

миновать: вся рота будет называть его ЧМО. Интересно, чувствует ли Евдокимов, что сейчас стоит перед большим испытанием? А может, он думает, что никто его не видит, не чувствует его состояния, и откуда нам знать, храбрый он или трус. Он еще в неведении, что ждет его впереди. И все равно солдаты роты будут определять его статус по тому, как он сегодня себя поведет. Большинство офицеров в Афгане находят общий язык с подчиненными только после боя. Если они растеряются или проявят страх, то потеряют уважение солдат.

А я хотел испытать Евдокимова именно в этом бою. Сейчас самое время это сделать. И если он действительно отважный, то выйдет сухим из воды, не потеряет авторитет у простых солдат. А если испугается, я его, наверное, возненавижу. Ужас! Неужели к нему надо придираться только за то, что у него на плече звезда? Офицер ведь тоже человек. Нет, на войне бывают только офицеры и простые солдаты, смелые и трусливые. А храбростью называют состояние, когда человек теряется и ошеломленно смотрит смерти в глаза?

Тишина стояла зловещая. Казалось, что деревья, дома напротив постепенно приближались в нашу сторону с угрозой. Ринат сидел молча, не двигаясь, заперев изнутри люк кабины механика. Невозможно было что-либо распознать и по виду Евдокимова, который рядом со мной сидел на месте командира и смотрел в бинокль. Странно, что он еще ни разу не закурил. Значит, нервы в порядке. А если начнется серьезный бой, наверное, потерпит. Напрасно мы вышли с ним. Его каменное лицо раздражало меня. Удивительно, как вся рота следит за каждым движением офицеров. В роте понимали страх солдат, но проклинали испугавшихся командиров.

Евдокимов что-то пробурчал. Продолжая смотреть в бинокль, он дернул меня и был сильно обеспокоен. Я посмотрел в смотровую щель. Напротив нас появилось стадо баранов, которые затем рассыпались вдоль арыка. За ними показался мальчик-пастушонок. На голове у него была цветастая тюбетейка. Иногда он стучал по земле палкой, которую держал в руке, равнодушно оглядываясь по сторонам. Взгляд всего войска был направлен на мальчишку. Стволы орудий, БМП и танков были направлены на него.

Прошла четверть часа. Хотелось встать на колени перед этим мальчиком и взмолиться, чтобы остановили войну.

Пастушонок напомнил мне моего братика. Бедняжка, он был одет в лохмотья. Сейчас, видимо, он вышел, полагаясь на волю случая. Интересно, думал ли в это время мальчик о смерти? Ему, вроде бы, лет семь, не больше. Но, казалось, он выглядел старше всех нас.

Потерявшее бдительность войско, которое поверило, что в этом кишлаке нет душманов, а люди доброжелательны, застал врасплох сильный взрыв в крепости с правой стороны. Затем пошли в ход гранатометы. Все смешалось: свист пуль, пыль, шум, грохот. Душманы с обеих сторон взяли нас на прицел. Наши танки и БМП приступили к делу. Мы палили бесперебойно по крепостям. Автоматы стреляли безостановочно. Снаряды сыпались и на кишлак напротив. Через перископ ствола я посмотрел на место, где стоял мальчик. С земли вместе с пламенем поднялись осколки взорвавшегося снаряда. Кишлак был в клубах пыли.

Душманы атаковали нас без передышки. На нашу машину сыпались железные осколки, земля содрогалась. Я невольно протянул руку к стволу. Машина дернулась, и полетело бесчисленное количество снарядов. Внутри ворвался запах пороха. Я нацелился и выстрелил в окошко левой крепости, откуда сыпались огни. Немного поутихло. Затем снова появился огонь. И я опять выстрелил. Через некоторое время из того же окошка снова пальнули огнем. Перед нашей машиной произошел сильный взрыв. Это душманы целились в нас. Евдокимов стал торопливо докладывать комбату по связи, что положение очень серьезное и враг нас прижимает со всех сторон. В кабине командира он дрожал от страха, а когда рядом произошел взрыв, резко взглянул на меня и закричал: «Стреляй!» Его глаза вылезли из орбит, он озирался по сторонам. Танки оккупировали крепость. Стены стали рушиться. По связи я приказал Ринату повернуть машину назад и отходить вплоть до большой дороги. Евдокимов съежился.

Теперь он забыл и про связь, все время молчал. Меня взбесило его безразличное выражение лица.

Машина двинулась назад. Пехотинцы, видимо, того и ждали: сразу вместе с нами стали отступать. Мы оставили место, где должны были держать оборону. Пока мы добирались до большой дороги, я все время стрелял в ту местность, которую мы покинули. Мы не знали, откуда нас атакуют. В точках за крепостями бои были не такими уж страшными. Не всем удастся остаться целыми после того, как засунули руку в пчелиный рой. И если бы мы продолжили пальбу, то нас точно заглушили бы намертво. Наша техника и вооружение были ничто по сравнению с умным вражеским оружием.

Артиллерия изрешетила кишлак вдоль и поперек. Началось нечто ужасное – наподобие Апокалипсиса. После страшных взрывов рушились крыши, с душераздирающими криками бегали люди. Черед дошел и до наших самолетов, которые стали бомбить кишлак. От звуков этой бомбежки содрогались небо и земля. После каждого взрыва вселенная дрожала, этот грохот оглушал. Иногда в воздухе появлялся белый дым и слышался треск. Артиллерия стреляла из орудий шрапнелями. Кишлак находился под градом пуль. Несколько часов назад всю цветущие деревья теперь были разломлены напополам, стволы их почернели и дымились. Кишлак напоминал холодный свежий холм могилы. В воздухе запахло дрожжами. Было очень жарко. Я отчего-то забеспокоился. Постепенно я начал терять силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.